

Новая Польша 7-8/2004

0: ПАМЯТИ ЯЦЕКА КУРОНЯ

Когда-то имя Яцека Куроня было для меня легендой. Еще в середине 60-х я услышала по западному радио изложение "Открытого письма к партии" Яцека Куроня и Кароля Модзелевского (позже мне удалось и прочесть его). Письмо, написанное с левокоммунистических позиций, поражало своей крайне резкой критикой режима ПНР и власти Польской объединенной рабочей партии. Ну а левацкие позиции никого не смущали: сколько мы видели и в нашей стране людей, становившихся антисоветчиками через поиски "истинного марксизма" или "неизвращенного ленинизма". И Яцек, и Кароль оказались тогда в тюрьме, но к марту 68-го, к тому времени, когда в Польше развернулись бурные студенческие волнения, оба они были на свободе, и Яцек стал одним из лидеров студенческих протестов. И снова приговор к трем годам тюрьмы.

В 75-м году Яцек стал одним из инициаторов открытого письма представителей польской интеллигенции в Сейм - против поправок к польской конституции, вводивших в Основной закон руководящую роль партии и нерушимую дружбу с Советским Союзом. В 76-м, после жестокого подавления рабочих демонстраций в Радоме, Урсусе и других польских городах, Яцек был среди учредителей Комитета защиты рабочих - КОРа, через год, когда большинство арестованных рабочих были выпущены, преобразованного в Комитет общественной самозащиты КОР - тот самый КОС-КОР, которым советская пропаганда так долго запугивала советских читателей.

КОР положил в Польше начало широкому движению за права человека и одновременно польскому самиздату - и в обоих Яцек Куронь принимал самое активное участие. Ему принадлежал знаменитый лозунг: "Не жечь комитеты - учреждать комитеты", то есть не жечь партийные, а учреждать свои, независимые.

В это время я была уже в эмиграции и перевела для "Континента" первый номер "Информационного бюллетеня" КОРа (целиком) под заголовком "Первый номер польской "Хроники"" - имея в виду, конечно, нашу "Хронику текущих событий". Со второй половины 70-х мы с Яцеком уже были знакомы, но... только по телефону. В частности, когда возникла идея написать совместное открытое письмо советских и польских правозащитников в защиту арестованных чешских коллег, переговоры и редактирование письма велись через Париж - через меня. В Москву я звонила Татьяне Великановой, в Варшаву - Яцеку Куроню.

Пришел 80-й год, славный август, который поляки до сих пор пишут с заглавной буквы. Но до августа был еще июль, когда забастовки перекидывались по всей Польше из города в город, с завода на завод, пока не завершились начавшейся 1 августа забастовкой на Гданьской судовой верфи, положившей начало практически всеобщей забастовке страны и победившей: бастующие добились создания независимого профсоюзного объединения "Солидарность". Яцек Куронь еще с июля был в центре сбора и распространения информации о забастовочном движении, а после победы "Солидарности" стал советником ее руководящего органа - Всепольской комиссии. По общему признанию, он был автором стратегии "Солидарности" - мирной, но неуклонной борьбы за права трудящихся.

Потом были интернирование после 13 декабря 1981 г., арест, обвинение в "умысле на подрыв существующего строя", суд, приговор, амнистия, подпольная деятельность. Обо всем этом я давала отчет в своей роли обозревателя польских событий в "Русской мысли".

Увидела я его впервые - и единственный раз - в августе 88-го года. Я приехала тогда, чтобы участвовать в Международной конференции прав человека в Кракове. Но приехала за неделю до конференции, 15 августа. Ровно в этот день вспыхнула забастовка опять-таки на Гданьской судовой верфи, а вслед за ней на множестве предприятий по всей стране. "Ты привезла нам забастовки", - сказал мой друг поэт Виктор Ворошильский. Он же вскоре повел меня к Куроню. Яцек сидел на телефоне, вновь, как в 80-м году, получая и передавая сведения о забастовках. "А, Наташа", - приветствовал он меня как старую знакомую, быстро пересказал последние новости. Некоторые я уже знала, и он очень ревниво отнесся к тому, что другие - это были Збигнев и Зофья Ромашевские - успели узнать то, что он узнал, по его мнению, первым. Толком поговорить нам, конечно, не удалось: телефон звонил не переставая. Теперь уже и не удастся.

Но это, может быть, и неважно: Куронь был человеком не разговора, а действия. "Действие" или "Деятельность" - так переводится название его книги, в которой он подвел итоги своего жизненного пути. Как человек действия,

активной, а не словесной лишь защиты униженных и оскорбленных останется он в памяти не одних только поляков. Он оставался человеком действия до последних дней: и в начале 90-х, когда был министром труда и социальной политики, и потом, когда отыскивал конкретные пути помощи людям, ушибленным социально-экономическими преобразованиями в Польше. На смертном одре он дописал свою книгу "Деятельность" и писал новую - "Речь Посполитая моих внуков" о будущей Польше, какой она виделась ему: процветающей и справедливой.

1: ОДОЛЕТЬ КОЛДУНА

Детство

Мне было тогда, наверно, года четыре или пять. В Большом театре во Львове ставили спектакль «О тех двоих, которые украли луну». В какой-то момент, когда колдун сажал Яцека и Пляцека в мешок, я сорвался с места и, заорав, кинулся на сцену — спасти их. Помню этот парализующий страх и такую неслыханную силу, чтобы преодолеть его. Я кричал, чтобы заглушить в себе этот страх.

Я мчался на сцену. Уже был возле чернокнижника, видел его лицо — кошмар. Орущего, меня вынесли на руках со сцены в фойе, где сидела бабушка. Билетерши утешали меня: с этими мальчиками, мол, все хорошо. Я плакал, отчаянно плакал. Это событие я считаю своим высшим жизненным достижением. Все, что я делал после, — лишь повторение этого.

По стопам деда и отца

Дед мой был в Боевой организации ППС [Польской социалистической партии]. Отец в 1920 г. пошел на фронт добровольцем. Ему тогда было 15 лет, и он нашел приятеля, который вместо него предстал перед медицинской комиссией. Потом отец участвовал в Силезском восстании. Он был членом ППС, бойцом Армии Крайовой. Я не умею отделить того, что сам видел, от всей легенды, которую они мне передавали. Чувствую себя участником революции 1905 года. Когда впервые в жизни на меня надели наручники, я был растроган.

В Союзе польской молодежи

Мы боролись с хулиганами и стилигами. Однажды я возвращался домой под вечер. На танцплощадке на площади Парижской Коммуны начали вихляться молодые люди. В этот момент выскочила штурмовая группа СПМ, схватила одного из них и потащила в недалеко расположенную контору. Когда я вошел следом за ними, парня били кулаками, ногами — все вместе.

— Стой! — крикнул я. Собственно, не крикнул — вырвалось у меня из горла. Я не сказал им прямо, в чем дело. Указал на окно, через которое легко можно было увидеть, что здесь творится. Один из них погасил свет, раздалось еще несколько ударов. А я молчал, чертовски долго молчал. Потом снова крикнул перестать. Начал говорить им, что это рабочий. Из носа и разбитой губы у него текла кровь. Они повели с ним педагогический разговор. Потом на танцплощадках били регулярно, а я — всего лишь не приходил туда. Этого я больше всего стыжусь из всего моего комсомольского прошлого.

Гая

В лагере Вальтеровской дружины в Волине я пришел в последнюю палату, где спал третий отряд. Здесь все спали как надо, всё было в порядке, совершенно всё. И вдруг я увидел, что в углу кто-то спит на рюкзаке, скорчившись, с головой, накрытой одеялом. Я подошел — оказалось, что это девушка с косой. Невероятно было, что ничего тут не надо было улучшать, обо всем проявили заботу, а эта девушка спит на рюкзаке. Она, конечно, проснулась, когда я посветил фонариком. В свете фонарика я увидел, какие у нее большие, золотистые глаза. Взял ее за косу и спросил: «Ты чего так спишь?»

Есть что-то такое между людьми, что когда начинается любовь, то прилетает ангел, которого никто в мире не видит, кроме влюбленных. Я ощущал этого ангела, но не набрался храбрости об этом сказать.

Первый приговор

Оттепель теряла разбег. Мы с Каролем Модзелевским сочли, что раз уж невозможно заниматься политикой, надо по крайней мере погибнуть с развернутыми знаменами, чтобы все знали: были все-таки некоторые, что бунтовали. И тогда мы написали членам партийной организации и СМП «Открытое письмо», разъяснявшее

наши взгляды. Мы перепечатали его на машинке и 18 марта 1965 г. раздали его тем, кому доверяли, а также отнесли в университетские партийную и комсомольскую организации.

В конце «Открытого письма» мы написали: «За это письмо мы получим три года». На следующий день нас арестовали, а еще через четыре месяца я получил три года, а Кароль — три с половиной. Я немедленно, прямо в зале суда, потребовал, чтобы мы получили поровну, потому что делали одно и то же. На что прокуратор Петрасинский возразил, что раз Модзелевский — еврей, то он, должно быть, и есть заводила.

Второй приговор

Мы с «коммандос» [группа студентов вокруг Куроня] решили назначить на 8 марта 1968 г. митинг в защиту исключенных из университета. На этот митинг я не пошел, так как мы с Каролем не хотели своим присутствием подтверждать пропагандируемый органами тезис о том, что за университетским брожением и студенческим протестом стоят «политические тертые калачи» — Куронь и Модзелевский. После митинга ко мне пришла Ирена Жито, ныне Хербст. Она рассказала, как толпа людей в штатском с дубинками кинулась на них, когда они уже собирались расходиться. Как потом люди в штатском и милиция били на улице Краковское Предмесье каждого, кто подвернулся под руку, а студенты попрятались в общежитиях, где, вероятно, будут бастовать. На этот раз я решил быть с ними. Но не успел я выйти на улицу, как два гебешника задержали меня.

Получил три года — на этот раз, как подчеркнул прокурор Петрасинский, ровно столько же, сколько Модзелевский.

Комитет защиты рабочих

Ускользая от слежки и ведя неустанную игру с полицией, я обнаружил, что страх зависит от напряжения, а не от того, чего мы боимся. Потому что и тогда, когда мне грозило 48 часов в обычном участке, и тогда, когда ставкой была тюрьма на долгие годы, и, наконец, когда грозила смерть, во мне происходило одно и то же. Страх игры. Это хороший страх, с ним можно жить. Всегда, когда я возвращался ночью, на рассвете, Гайка как будто вовсе не спала. Выбегала в прихожую, обнимала меня крепко-крепко. Дрожа говорила мне: «Смотри, я слышу каждого, кто входит в подворотню, но еще ни разу не ошиблась, всегда знаю, когдаходишь ты». Тогда я понял, каким ужасным может быть другой страх — страх ожидания. Каждый из нас предпочитал «ехать», а не ждать.

Товарищество научных курсов

Перед очередной лекцией ТНК, которая происходила в нашей квартире, мой отец почувствовал себя исключительно плохо. Я позвонил в «скорую». Написал на листке бумаги, что прошу прощения, отменяю лекцию ввиду состояния здоровья отца. Я уж даже не своим слушателям хотел это объяснить, а штурмовикам. Почти тут же кто-то сообщил, что идет штурмовая группа. Я через дверь объяснял, что лекции не будет, отец болен и занятия отменены. Мне казалось, что они ушли. Через минуту пришел Генрик Вуец.

Я ему открыл, а они кинулись сверху, где спрятались, — этажом выше. Я не успел втащить Генрика, а он не успел сбежать. Они ворвались внутрь, я стоял, прижатый к стенке и истерическим голосом кричал: «Люди, люди, мой отец умирает!» Видел, как избивали Генрика, как он обливался кровью, как его голова стучала по ступенькам, по которым они его тащили, и в конце — как его бросили в снег.

Я был уверен, что он убит. А потом вбегаю внутрь и вижу, как избивают моего сына. Несколько держат, один бьет. Я кидаюсь, пытаюсь его вырвать, но не получается. Вижу, как один из них держит за голову Гайку и поднимает ее вверх.

Корреспондент «Тайма» спросил меня потом, зачем я всем этим занимаюсь. Я ответил: не знаю, теперь боюсь. Через несколько дней мы с Адамом Михником написали заявление, что прерываем наши лекции. Я осознал, что раз я боюсь поставить в воротах своего собственного сына — а я боялся, — то мне нельзя там поставить и ничего другого сына.

Интернирование

Привезли меня в какое-то отдельно стоящее здание в предместье. Велели выйти и по лестнице вниз отправили в подвал. Сумка давила мне на плечо. Пол в подвале был посыпан песком, а стена, к которой я шел, вся была в следах выстрелов. «К стенке», — прорычал кто-то. Ага, так вот оно. Я бежал к стене в следах выстрелов — бежал и бежал. Только бы успеть повернуться. Чтобы не в спину. Стена. Раз, два, три... Успел. Что теперь делать? Я полез за сигаретой, чтобы скрыть, что горестно мне и что я боюсь. «Я бы тоже закурил», — сказал тот, что

послал меня к стенке. Я закурил. Вынул из сумки новую пачку. Бросил милиционеру. Пожалуй, стрельбы не будет. Снял кожух, положил под голову сумку, полную бумаг с резолюциями съезда «Солидарности», и уснул. Было 13 декабря 1981 года.

В Третьей Речи Посполитой

Тадеуш Мазовецкий предложил мне пост министра труда и социальной политики вместе с ответственностью за отношения с профсоюзами. У меня в глазах потемнело. Чтобы в таких обстоятельствах стать министром труда, зарплаты и социальной политики (что практически означало министерство безработицы, нужды и отсутствия социальной политики), нужен был сумасшедший или просто самоубийца.

Супы

В Польском Красном Кресте мне сказали, что не я выдумал супы [раздачу бесплатного супа нуждающимся], а они. Я ответил, что супы выдумал человек, как только сделал кастрюлю. Какая-никакая кастрюля — и уже есть суп. А уж раз он выдумал суп, то начал супом делиться. И это одно из самых старых изобретений человечества. Зато я придал этой операции высокий ранг.

Составила Анна Биконт.

Цитаты взяты из книг Яцека Курона

2: ДАЖЕ В БОЛЬНИЦЕ КУРОНЬ ИСПРАВЛЯЕТ МИР

Сентябрь 1998 года. Яцеку Куроню в варшавской больнице на ул. Эмилии Платер предстояла операция аневризмы брюшной аорты. В ходе предоперационного обследования оказалось, что его шейная артерия совершенно забита. Врачи решили, что надо сделать другую операцию: прочистить артерию, тормозящую приток кислорода к мозгу.

Проводивший операцию профессор пытался сказать Яцеку - кстати, единственному, кто там был спокоен, - что у него будет не та операция, что планировалась. Но Яцек как раз заканчивал поправлять текст "Разделим на всех этот торт" для "Газеты wyborczej" - о польской налоговой системе, которая служит исключительно богатым. Операционная ждет, а Яцек повторяет: "Еще минутку". Операция операцией, но он же должен высказаться. А то он страдает, что "во времена Ягеллонов в Краковской академии учились десять крестьянских сыновей, а сегодня в том же самом Ягеллонском университете только 4% студентов из сельских семей".

Профессору Мечиславу Шостеку операция удалась, но ночью произошло кровоизлияние в мозг. Много дней Яцек лежал без сознания. Лекари постепенно приучали жену Дану и друзей к тому, что он может уже не прийти в сознание, а придя - никогда больше не быть тем же Яцеком, которого мы знаем и любим. Так, наверное, и случилось бы, если б на его месте был кто-нибудь другой. Но перед силой духа Яцека рушатся все правила и оправдывается поговорка: "Если пациент выздоравливает - медицина бессильна".

Первые контакты с Яцеком надрывали сердце и не давали особых надежд. Одну из нас он не узнал и, устыженный, просил прощения, пытаясь отгадать имя. Другую спросил, в тюрьме он или в тюремной больнице. Безжалостная память упорно напоминала о боли и страданиях - эту операцию невозможно было провести под наркозом. Так, Яцек рассказывал, что его мучили в результате заговора милиции и врачей. В какой-то момент он смолк, задумался и произнес: "Пожалуй, все-таки я должен принять во внимание и такую возможность, что это лишь стечение обстоятельств и никто намеренно не хотел сделать мне плохо".

Знакомый психиатр сказал нам позже, что еще не встречался со случаем, чтобы пациент после нехватки кислорода одновременно был в состоянии паранойи и отвергал ее.

Бомба с часовым механизмом

Врачи обещали медленное выздоровление, а Яцек уже в октябре вместе с Богуславой Бердыховской составлял меморандум по украинскому вопросу. Он уже много месяцев не появлялся на публике, когда в декабре 1998 г. на вопрос, какого политика поляки хотели бы пригласить к себе домой на первый день святок, они ответили: президента и Куроня. И хотя практически уже два года, то есть с проигранных президентских выборов, Яцек все время болел (но написал за это время вместе с Яцеком Жаковским "Семилетку, или Кто украл Польшу"), поляки по-прежнему ставили его на ведущие места во всех рейтингах доверия.

Между тем аневризма брюшной аорты увеличивалась. Каждый прием у врача кончался словами о том, что Яцек должен остаться в больнице. "Знаете ли вы, что у вас в животе бомба с часовым механизмом?" - спрашивали они его.

- Через Адама Михника, - рассказывает нам Дана Куронь, - я связалась с профессором Войцехом Ношиком, видным полостным хирургом и нашим соседом по Жолибожу. Он пришел к нам домой и говорит: "Прочитав историю болезни, я ожидал застать больного старичка, а вижу молодого, здорового человека".

Профессор созвал врачебный консилиум, полтора десятка докторов, когда-либо занимавшихся разными частями организма Яцека - многие из этих частей уже тогда нуждались в замене. Ларингологу не понравилось его горло. Правду говоря, оно всегда было его ахиллесовой пятой. Когда в первые годы после 1989-го он охрипшим голосом вел беседы после выпуска последних известий, несколько ларингологов обращались к нему, чтобы лечить его, делать ингаляции, нянчить. Но Яцек был занят другими делами.

В начале 1999 г. он пошел в больницу МВД на Волошской улице, чтобы проверить горло. Когда он попал туда в первый раз, привезенный "скорой помощью", в дверях ждала делегация: врачи и медсестра, которая напомнила ему, что, когда его привозили в наручниках с Раковецкой [варшавской Лубянки] с камнями в почках, она проносила ему сигареты и тайно передавала записки. Один врач сказал: "Ваше здоровье разрушено нашим ведомством, и мы отвечаем за то, чтобы вам его вернуть". (Это было бы отличное бонмо, если бы не один факт. В архиве МВД среди документов о его пребывании на Раковецкой в 1968 г. сохранились черновики его заявлений тюремным властям. Яцек безуспешно просил выдавать ему дополнительный стакан кипяченой воды для питья, так как у него болят почки.) С тех пор Яцек уже значительную часть жизни проводил в больнице на Волошской.

Дело жизни

Когда Яцеку выжгли опухоль в горле и послали ткань на биопсию, Дана нервно ждала результата, но Яцек об этом и не думал - занимался тем, что писал дело своей жизни, к которому возвращался всегда, когда его мир рушился, а он не мог действовать. Впервые - после выхода из тюрьмы в 1971 г., когда он увидел послемартовскую разруху: десятки близких ему людей были вынуждены покинуть Польшу, а те, что остались, были подавлены и разбиты. Во второй раз - когда вышел из тюрьмы в 1984-м, а дома его не ждала скончавшаяся в 1982 г. жена Гая. Теперь, когда болезнь вытолкнула его за рамки активной политики, он взялся за это в третий раз.

Он устал, потому что работал каждую минуту. Но он был уже не тот прежний Яцек, способный урвать от сна несколько ночей кряду. И когда прозвучал приговор: рак - Яцек уже спал (он страдает приступами сонливости вперемежку с бессонницами). Дануся провела ночь один на один с этим сообщением. Ждала, пока Яцек проснется.

- Яцусь, - сказала она, - у тебя обнаружили рак.

А он ответил:

- А есть ли какие-то медицинские показания против того, чтобы я еще поспал?

Начались ежедневные облучения, на которые Яцека возили записывавшиеся в очередь добровольцы. Яцек нагло объявил, что больше всего любит, когда его возят красивые женщины (другое дело, что он чуть не каждую женщину считает красивой), потому что тогда обязан перед ними держаться стойко. Однако на третью неделю он слегка сдал и перестал работать над делом своей жизни, которое друзья давно уже называли - слегка язвительно, но и не без нежности - "Яцека Куроня общей теорией всего".

- Врач предупреждал, что после облучений начинаются сильные боли, горло обожжено, а еще больше, если куришь, - рассказывает нам Яцек. - Я курил и слушался советов старшей сестры отделения: пить кисель и крахмал. Если б я тогда глотал кактусы, вот бы мучился, а так ничего особенного со мной не было.

В июне курс облучения закончился. Яцек тут же вернулся к работе над книгой. Он спешил, считая, что времени мало.

Завещание Яцека

Наступил день его рождения - 3 марта 1999-го, - в который друзья по традиции собираются в его жолибожской квартире. На этот раз он, однако, созвал ополчение со всего света, объявляя, что это будет его последний день

рождения. Очередь ко входу в ресторан его сына Мацея в театре "Буффо" растянулась до Вейской. В середине банкета Яцек включил телевизор, где шло ранее записанное Ежи Маркушевским его прощание.

Яцек завещал нам дела, о которых нам следовало позаботиться после его смерти. Главное, чтобы в бюджете нашлись деньги на образование и на воспитание будущих поколений в духе уважения к национальным меньшинствам.

Счастливый, заваленный цветами и подарками, он качался в кресле, которое тоже получил в подарок, и слушал песни группы "Черемшина" из Подлесья.

Между тем аневризма увеличивалась, часовой механизм тикал. Марек Эдельман, который никогда не сдаётся перед лицом болезни, все-таки сказал Яцеку: "Яцек, когда-нибудь от чего-нибудь придется умереть. Уверяю тебя, что смерть от разрыва аневризмы брюшной аорты - хорошая смерть, быстрая".

Но Яцек жил и продолжал высказываться по вопросам, которые считал важными. Он напечатал текст против люстрации, призывал не обострять польско-украинских отношений, протестовал против подавления прав человека в Китае и Тибете, защищал раввина Йосковича, подвергнувшегося нападкам за неудачные высказывания.

В декабре 1999 г. Эдельман решил собрать полную медицинскую документацию Яцека и отправить в Париж, Алине Эдельман-Марголис, которая традиционно опекает польских больных.

- Нашелся профессор, готовый провести Яцеку шунтирование брюшной аорты, чтобы уберечь ее от разрыва, - рассказывает Дана. - Мы отправили бумаги, а он в ответ написал, что слишком большое число болезней не позволяет делать пациенту операцию.

Несмотря на это Эдельман велел друзьям купить Яцеку и Дана билеты в Париж. Он рассчитывал, что, увидев Яцека, профессор передумает. Так и произошло.

"Вчера, - сообщала нам в январе 2000 г. живущая в Париже Ирена Смоляр, - Яцеку сделали операцию ягодичной артерии. Это первая, самая легкая часть собственно операции. Прошло хорошо. Из Аризоны и Дании доставили (на всякий случай) два разных артериальных эндопротеза. Врачи настроены оптимистически. Яцек в хорошей форме. Устроил в больнице анархию, упорно курия в палате. Его пробовали с кроватью и капельницей возить в курилку, но в конце концов разумно поддались силе его привычек и воли".

В операции принимали участие 13 врачей. Яцек, едва проснувшись, сорвался с постели, чем вызвал в отделении панику. Двумя днями позже мы получили по электронной почте сообщение, что Яцек уже "яро воюет с французами за свою суверенность, т.е. за право курить где хочет и когда хочет".

Университет в Теремисках

Когда справились с аневризмой, пошли проблемы с почками. Жизнь Яцека протекает в неустанных анализах. Ему положено много пить. Он не расстается с большой бутылкой минеральной воды. Начинается заколдованный круг: или воды в организме слишком много - и он опухает, или он обезвожен - и тогда у него подскакивает уровень креатина, а организм отравляется. Единственная почка Яцека - вторую ему удалили в 1994 г. - работает все хуже. Сердце, все более слабое, с трудом откачивает воду, которая откладывается в легких. Из одного воспаления легких Яцек сразу переходит в следующее. В перерывах между двумя воспалениями легких, между двумя больницами он завершает дело жизни.

На рубеже 2000 и 2001 гг. рентген показал, что у Яцека есть что-то в легких. Это могут быть следы инфекции, но друзей охватил жуткий страх, что это метастазы. Эдельман сказал спокойно: "Левая нижняя доля - лучшее место для рака, отлично оперируется".

В феврале 2001 г. добрая весточка по электронной почте обежала весь мир: компьютерная томография показала, что метастаз у Яцека нет. Мы сами ее посылали, а теперь она к нам возвращалась от друзей Яцека, рассеянных по всему свету.

Хотя Яцек без всякого смущения рассказывает о том, что его мучит, но своим состоянием здоровья не интересуется, не умеет повторить, что сказали врачи, не усваивает ни одного термина (слово "бронхоскопия" ему не выговорить). Известно, что есть такие пациенты, которые способны черпать хоть малую радость из болезней и рассказов о них. Но Яцек не интересуется болезнями - Яцек интересуется Польшей.

Движущая сила Куроня - его картины того, как исправить мир. На этот раз это картина всеобщего образования и ее реализация на малом участке - в белостокской деревне Теремиски. Сын Даны Павел со своей женой Касей и журналистом "Газеты wyborчей" Адамом Вайраком решили осуществить один из замыслов Яцека: идею неформального просвещения. Вайрак купил там граничившую с его домом старую школу, где будет получать образование молодежь из деревень и малых городков - дети безработных родителей. Занятия в университете ведут Кася и Павел Винярские по правилам, как сами говорят, "педагогики Яцека Куроня".

Мое время наступило

В сентябре 2001 г. состояние легких Яцека стало катастрофическим. Его положили в армейский госпиталь, на отделение пульмонологии, где диагностировали аспирационную пневмонию и мерцательную аритмию. Оттуда его отвезли в Анинскую клинику под Варшавой, в отделение интенсивной терапии, где доктор Янина Стемпинская вступила в битву за его жизнь.

Когда через месяц Яцек с Данусей вернулись домой, коллектив университета в Теремисках представил Яцеку готовый проект, а в его квартире на ул. Мицкевича начало собираться новое поколение двадцатилетних, которых Яцек заразил своей великой жизненной страстью. В октябре 2001-го он еще раз поднялся и призвал создать Гражданское движение защиты человека, общественное движение "против волчьего капитализма, за государство, которое заботится о своих гражданах и защищает самых бедных от цены преобразований". Как во времена КОРа, он поставил свой домашний адрес. Стали звонить или просто приходить десятки людей. Вскоре он снова оказался в больнице.

- Яцек, - рассказывает Дана, - всегда так функционировал: если что-то надо сделать - делал. Четыре дня подряд мы ездили на встречи с рабочими. Его организм вырабатывал столько адреналина, сколько на это требовалось. Но теперь то, что когда-то было его силой, разрушает его. Он мобилизует огромные силы, работает на крике и тратит остатки энергии, необходимой ему, чтобы жить. Люди часто спрашивают меня, почему его не видно по телевидению, почему он с ними не встречается. Но теперь контакт с Яцеком можно установить лишь через то, что он пишет.

В 2002 г. вышла написанная в особенно болезненном состоянии книга "Деятельность. Если мы не работаем над своей жизнью, она господствует над нами", где Яцек изложил свою концепцию развития мира, его будущего, грозящих ему опасностей. Теоретическая и трудная, книга встретила слабый общественный отголосок. Яцек огорчился, но в то же время повторял: "Я знаю, что мое время наступило. Моя книга определит мышление будущих поколений. Правда, я этого не дожусь, но это неважно".

Любовь как окружающая среда

1 ноября 2002 г. Яцек поехал на Украину, чтобы на Лычаковском кладбище принять участие во встрече семей польских и украинских жертв братоубийственной войны [польско-украинской войны 1919 года].

С некоторого времени вновь была возбуждена дискуссия о львовском кладбище Орлят [защитников Львова от украинских войск]. Яцек, по рождению львовянин, воспитанный на легенде львовских Орлят, написал в "Газету wyborчу" текст "Я понимаю протест украинцев": "В братоубийственной войне в героических боях с обеих сторон погибли люди, и по обе стороны они боролись за независимость. А мы заставляем украинцев согласиться на то, чтобы этот пантеон триумфа польского оружия стоял в городе, который они считают сердцем Украины".

- Я всегда задумываюсь, нельзя ли найти взаимопонимание, - говорит он нам. - Нельзя же жить в мире, где люди не понимают друг друга. Иногда взаимопонимание невозможно, но пробовать не повредит же?

У соседствующих друг с другом могил сичевых стрелцов и львовских Орлят (эти два кладбища разделяла стена, которую разобрали) впервые в истории вместе молились украинец, греко-католический епископ, и поляк, католический епископ. По украинскому телевидению показали Куроня в инвалидной коляске, которого обнимали украинцы и поляки.

- Тогда у меня уже давно не было сил ходить, - говорит нам Яцек, который едва способен дойти от комнаты до ванной.

А тогда у него вдобавок еще было воспаление легких. Рядом с ним стояла украинская медсестра Слава Данылько с сумкой, полной лекарств, и в перерывах церемонии делала ему инъекции.

Тем не менее в 2002/2003 учебном году в перерывах между больницами ему удалось три раза приехать в Теремиски на свой курс лекций "Любовь как естественная среда человека".

Речь Посполитая внуков

3 марта 2003 г. у Яцека наступила полная блокада проведения импульса между предсердиями и желудочками. Это был результат тяжелых электролитных нарушений. Единственная почка перестала работать, и 1 апреля Яцеку начали проводить диализ.

- По вторникам, четвергам и субботам, - говорит Дануся, - он лежит прикованный к постели под двумя капельницами, неподвижно, так как любое движение вызывает боль. В середине диализа начинаются судороги, а после диализа падает давление, начинается сердечный приступ, и Яцек задыхается. На следующий день с утра он приходит в себя, чтобы на завтра снова ехать на диализ.

Уже через неделю он впервые решительно запротестовал. Сказал, что человек не может быть придатком машины и что если его жизнь должна быть лишь физиологией, то спасибо большое.

2004 год. Проходят новые месяцы диализа. Диализ - это не только подчинение жизни больничному ритму, но и десятки неприятных побочных эффектов.

- Я так потею, - рассказывал нам Яцек, - что по двадцать раз за ночь меняю майку. В таком полусне мне мерещилось, что это майки для еврейских детей, а я у них эти майки отнимаю.

Нет у Яцека ни одного органа, который бы на что-нибудь годился. Хуже всего, однако, почечная недостаточность: она приговаривает его жить под диализом до конца своих дней. Яцек мечтает о пересадке почки. Пока, однако, он вынужден принять образ жизни, который ему глубоко чужд, жизни, сосредоточенной на собственной физиологии.

Яцек рассматривает больницу как тюрьму, с той разницей, что из больницы под свою ответственность можно выписаться. Чем он часто пользуется. Однажды его не хотели выпускать, объясняя, что он может умереть. Тогда он написал бумагу: "Заявляю, что, будучи homo sapiens, я все время живу с сознанием того, что когда-нибудь умру. Более того, я давно уже умираю. Яцек Куронь".

Самое главное дело, которое он еще должен осуществить, это - шутка сказать - проведение всемирной революции в образовании.

- Человечество, - утверждает Яцек, - оказалось на пороге новой эпохи, когда благодаря кибернетической революции каждый может обладать равным доступом к науке и культуре.

Он готовит новую книгу, в которой излагает свои теории о том, как построить лучший мир. Заглавие: "Речь Посполитая моих внуков". Она должна выйти в издательстве "Роснер и К°", и директор издательства Анджей Роснер месяцами ходит к нему по понедельникам, средам и пятницам - по тем дням, когда у Яцека нет диализа.

- Яцек всегда подготовлен, - рассказывает нам Роснер. - Диктует мне свои записи, иногда это продолжается минут двадцать - больше он говорить не в состоянии.

В свой день рождения Яцек всегда старается быть дома, однажды едва добился от врачей, чтобы его выпустили. Но в этом году не вышло. Он ждет в больнице операции по установке кардиостимулятора. Врачи не сдались: четверть часа, нужные, чтобы доехать на "скорой помощи" до дома, - слишком большой риск.

- Слух о моей смерти, разнесшийся пять лет назад, был, пожалуй, преждевременным, - признаётся Яцек, когда мы навещаем его в его семидесятилетие.

Мы заглядываем в компьютерный архив "Газеты выборчей": за описываемый нами период имя автора - Яцек Куронь - появляется 77 раз.

- Но если ты уже такой больной и всё у тебя так болит, что делать ничего не можешь, то что же ты тогда делаешь? - спрашиваем мы.

- Когда меня уже так придавит, что не могу встать с постели, лежу, скулю, вою, то у меня образуется краткий перерыв. Но мне всегда надо что-то делать. Хотя бы подумать о себе. Неустанно свожу счеты с совестью. В моей религии ни один грех не отпускается, каждый я припоминаю заново и размышляю, как его исправить.

3: ФАКТОР КУРОНЯ

Кончина Яцека Куроня вызвала громкий отклик в европейской печати. Влиятельная итальянская газета «Иль фоллио», возглавляемая замечательным публицистом Джулиано Феррарой, 19 июня поместила на первой полосе публикуемую здесь статью памяти Яцека Куроня. Автор статьи — профессор университета в Тренто, специалист по новейшей истории стран Восточной Европы.

Зима 1978/1979 г. была для Польши под властью Эдварда Герека исключительно тяжелой. Суровые морозы содействовали обнажению шаткости государства, которое уже почти десять лет старалось воспользоваться некоторым потеплением политических отношений между двумя блоками. Однако застой, воцарившийся в Москве, не обещал открытия новых путей. Польская демократическая оппозиция, сформировавшаяся после забастовок в Радоме и Урсусе (1976), достигла апогея своих возможностей. КОР (Комитет защиты рабочих) развил целую серию новых начинаний, не вмещавшихся ни в какие официальные рамки. Это предпринял слой общества, отвергавший всякий контроль со стороны тоталитарной системы, а в начинания эти входили и неподцензурные издания, и «летучие университеты», лекции и семинары которых проходили на частных квартирах, — это было продолжением методов, широко применявшихся поляками во время немецкой оккупации.

Однако стратегия была уже другой. Подобно тому, как это удалось в одной лишь Испании, оппозиция стремилась создать структуры гражданского общества, чтобы широко воплотить их в жизнь, как только появятся первые трещины в стене тоталитаризма. Правда, политическая и физическая агония Брежнева в Кремле, казалось, будет тянуться без конца, и момент широкого воплощения новой стратегии все время оттягивался.

И вот под конец этой бесконечной зимы 1979 г. Яцек Куронь, *spiritus movens* Комитета общественной самозащиты КОР, произнес свою знаменитую речь на подпольном собрании. Вопреки пассивности и разочарованию, охватившим уже многих его слушателей, он предсказал — опираясь на неопровержимые факты и цифры, — что неуклонно приближается момент смены власти. Этот тезис стал на целые недели главным предметом обсуждения среди варшавской интеллигенции, вызывая немало споров и возражений. В июне того же года в Польшу прибыл со своим первым паломничеством Иоанн Павел II, и массовое участие поляков в молебнах и литургиях, которые он служил, доказало, что Яцек Куронь еще раз был прав. Уже на следующий год предстояло возникнуть «Солидарности».

Яцек Куронь умер в 70 лет после продолжительной болезни. Он ушел в сиянии той ясности ума и замыслов, благодаря которой на протяжении полувека своей политической жизни он мог пользоваться авторитетом не только несомненным, но, пожалуй, куда большим, чем у лиц, намного более известных на международной сцене. Если сегодня Лех Валенса говорит, что без Куроня не было бы «Солидарности», то это утверждение не принадлежит к посмертным банальностям. Он, конечно, помнит, с какой быстротой и энергией проводилась в жизнь мысль Куроня, когда еще в июле 1980 г. варшавские и краковские интеллигенты поспешили в Гданьск, в результате чего новая волна забастовок не ограничилась материальными требованиями и разрушительностью, а всеобщее недовольство вылилось в форму общественной программы. Этому Куронь вместе с друзьями из КОС-КОР, в первую очередь Адамом Михником, посвятил целое предшествующее десятилетие, хорошо помня горькие поражения изолированных движений: студенческого в 1968 м и рабочего (в городах балтийского побережья) в 1970 м.

Имя Куроня неразрывно с его — написанным вместе с Каролем Модзелевским — открытым письмом, направленным в 1965 г. руководству ПОРП. Это была декларация «ревизионизма», за которую он тогда заплатил приговором к первым трем годам тюрьмы. Без Куроня не обошелся ни один ключевой момент позднейшей политической жизни, включая «круглый стол» 1989 г., когда страна мирно распрощалась с коммунизмом. Это была долгая деятельность, в которой педагогический фактор играл важную роль. Деятельность эту трудно назвать «карьерой» — еще и потому, что ее ведущим мотивом была не политическая игра, а желание сотрудничать с людьми, заслуживающими искренней дружбы. Нельзя также говорить об этой деятельности и умалчать об истории большой любви, соединявшей Яцека с женой, преждевременно угасшей Гражиной (Гаей).

Куронь был человеком, политическая проницательность которого не содержала элементов холодного расчета, а, наоборот, порождалась страстью. Его мучило чувство вины за то, что ему так и не удастся открыть смысл жизненных процессов. Он был тем министром труда в первых посткоммунистических правительствах, который позаботился создать пункты раздачи еды тем, кого затронула цена либеральных реформ, проводившихся его коллегой из министерства финансов. Он был гордым польским патриотом, который никогда не прекращал борьбы за установление дружественных отношений с евреями и украинцами. Он был уже вполне зрелым человеком, когда под влиянием сочинений Дитриха Бонхоффера стал лицом к лицу с тайной веры, отвергнув всяческий атеистический догматизм. Все это создает образ одного из самых благородных отцов Европы.

4: РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ ЯЦЕКА КУРОНЯ

На кладбище, разумеется, не всё уместно говорить. Но на похоронах Яцека Куроня действуют другие правила. И тоже не всё уместно — главное, неуместно придерживаться канонов так называемой политкорректности. Я и не буду.

Не станем себя обманывать: Польша без Яцека Куроня будет слабее. Слабее, хуже. Нам труднее будет противостоять различным опасностям. Одновременно я отдаю себе отчет в том, что не все разделяют такое мнение.

Многим людям Яцек мешал. Нет в Польше недостатка и в таких людях, которые считают, что они-то наверняка знают, как твердой рукой следует ввести надлежащий социальный порядок, как твердой рукой обеспечить соблюдение твердых правил рынка. Если позаимствовать определение у Войцеха Млынарского, то это «либералы сильной руки».

Им Яцек заведомо мешал. Потому что он был бунтарь, притом безумно неудобный бунтарь. За свою разнообразную и богатую жизнь он дважды побывал в политической партии — и ни в одну не вмещался. Он приложил руку к построению двух разных общественных порядков — и против обоих бунтовал. Он категорически взбунтовался против коммунистического порядка, но мыслью своей бунтовал и против того, что строил вместе с друзьями в своей зрелости.

А поскольку он был одним из отцов-основателей свободной Польши, постольку его бунтарская мысль оказывалась неудобной. Ибо когда некто по имени Яцек Куронь критиковал социальные итоги польских преобразований либо войну в Ираке и наше в ней участие, то на него невозможно было навесить ярлык демагога — и это было неудобство.

Он умер. Больше таких неудобств не будет. Можно почтить его памятником, можно восхвалить его заслуги, воздать честь его памяти. И всё будет спокойно, никто, обладающий таким авторитетом, не будет сеять сомнений, колебаний, не будет подстрекать людей к бунту. Это и есть та опасность, которая грозит Польше. Когда бунтарская мысль утихнет, Польша станет слабее и хуже будет защищаться от различных опасностей, которым мы обязаны противостоять.

Что склоняло Яцека бунтовать? Не какая-то там идеология, а нечто куда прочнее, куда фундаментальнее всех идеологий. К бунту его склоняли ценности. Короче всего это можно определить словами, принятыми в великой «Солидарности» 1980-1981 гг.: он руководствовался основополагающим принципом защиты слабых. То есть защиты рабочих, когда во времена КОРа ими помыкали, их били, сажали, притесняли; защиты всех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы. Тех, кто слабы, тех, кто живет в нужде, тех, кто не слишком способен обеспечить себе достойную жизнь.

Яцек не считал себя рыцарем, защитником угнетенных. Он, наоборот, считал, что угнетенные должны защищаться. Это значит, что надо действовать вместе с ними, помогать им организоваться, чтобы они сумели защищаться и добиваться своего, чтобы смогли в диалоге с представителями других интересов и других подходов добиваться своего. И добиваться взаимопонимания. Поэтому он смог так успешно посредничать в конфликте, связанном с приватизацией металлургического комбината «Варшава»; и профсоюзные активисты с металлургического комбината «Луккини-Варшава» не случайно сегодня здесь с нами. Поэтому здесь с нами и профсоюзники с судовой «Гдыня», ибо Яцек стал на их сторону твердо и категорически, когда на судовой попытались подавить импульс рабочей и межчеловеческой солидарности с помощью таких средств, как всегда: выбрасывали с работы, угрожали невозможностью содержать семью, применяли всяческие гонения и репрессии, — и поэтому они с нами на его похоронах.

В такое время, когда этику солидарности заменяет принцип конкуренции или еще чаще конкуренция без всяких принципов, Яцек всегда выступал в защиту этики солидарности, в защиту импульсов солидарности между людьми, ибо он отдавал себе отчет в том, что социальное сотрудничество и межчеловеческая солидарность — основополагающие формы общественных связей. Когда общественные связи исчезают, рвутся, это значит, что народ умирает. И потому Яцек в таких обстоятельствах считал, что нужна спасательная операция. И спешил на помощь.

О нем часто говорят, что он пытался достичь безнадежного. То есть пытался согласовать требования экономической рациональности с социальным чувством. В этом что-то есть. Но почерпнутые из пропагандистских лозунгов слова о «единственном пути» затрудняют достижение истины. Можно сказать, что благодаря им язык мыслям лжет. Не так ведь обстоит дело, что существует одна-единственная экономическая рациональность. И это Яцек тоже сознавал. В экономике, как во всякой общественной деятельности, сталкиваются разные ценности, разные интересы и разнообразные соображения. Сегодня верх взял подход, согласно которому в хозяйственном процессе трудовой человек — это затрата. Затрата, которую нужно предельно сократить. Может, даже до нуля. И чем больше удастся его сократить, тем больше экономический успех.

Яцек представлял противоположный подход. Он считал, что такая экономическая модернизация, которая толкает половину Польши на дно, оставляет половину Польши за бортом, — это не успех, а поражение.

Потому что мера экономического успеха — плоды, которые он приносит обычным людям.

Это не значит, что Яцек пытался свой подход навязать другим. Он хорошо помнил опыт коммунизма, в котором сам участвовал, и знал, что подход, который захватит всё поле, а остальные толкнет в сторону, — будь то даже его собственный подход, — обратится в наихудшее зло. Поэтому Яцек был таким ни на кого непохожим революционером, целью которого было не уничтожить противника, а достичь компромисса.

В политическом споре он всегда искал соображений оппонента. Он искал каких-то общих ценностей с теми, кто думал иначе, нежели он, и представлял другие интересы. Он старался влезть в шкуру противника, старался понять его соображения и старался как-то эти противоречащие друг другу соображения согласовать. Можно сказать, что с этой точки зрения важнейшим его проектом для новой Польши был «Пакт о предприятии». Это должен был быть список принципов, определенное правило социальной и экономической жизни, опирающееся на общественное взаимопонимание.

Можно полагать, что это мечтательство. Но я думаю, что это не мечтательство, — это было и остается реальной идеей, как уберечь демократию и рыночную экономику от тяжелых потрясений, как уберечь Польшу от глубокого раскола, вызванного крупным социальным конфликтом.

И если мы растеряем это наследие Яцека, великого революционера и одновременно человека компромисса, то заведомо будем слабы, заведомо будем хуже, и нам будет труднее противостоять опасностям.

Но слова, которые раздались после его смерти, такое волнение сердец и умов позволяет питать надежду, что мы сумеем принять его эстафету.

Что все мы это сумеем. Во всяком случае попытаемся. И должны мы это — не ему. Должны мы это себе самим.